

Внешние и внутренние конфликты

Аннотация

В статье исследуется проблема определения внешнего и внутреннего конфликтов, выявляется их сущность и содержание, атрибутивные характеристики и различия их как социальных феноменов. Анализируются подходы к решению этой проблемы со стороны как российских авторов (Дмитриев, Кудрявцев), так и представителей теоретической мысли Запада (Хорни, Козер, Хабермас). Выявляются как недостаточно проясненные аспекты предлагаемых решений, так и их позитивные (конструктивные) стороны, на базе которых предлагается ряд авторских определений внешнего и внутреннего конфликтов (например, краткое и широкое). Указывается на метаморфозы внутреннего конфликта во внешний и делается вывод о необходимости использования понятия “предельной социальной системы” для решения проблемы. Способность и состоятельность такой системы в ограничении протекания конфликта какими-либо нормами и силовыми акциями позволяет сделать вывод о том, что такого рода конфликт является внутренним. Отсутствие таких качеств у социальной системы по отношению к другим конфликтам позволяет определять их как внешние.

Ключевые слова: *социальный конфликт, внутренний конфликт, внешний конфликт, предельная социальная система, супранациональный субъект*

В современной научной литературе довольно широко в разных вариантах используются понятия “внутреннего” и “внешнего конфликта”. Так, например, В.Соколов пишет о том, что “все социальные конфликты можно разделить на внутренние и внешние” [Соколов, 2004: с. 82]; см. также: [Зеленов, 2004: с. 40]. Ссылаясь на Дж.Гальтунга и М.Дойча, о “внутриличностном”, “внутригрупповом”, “внутрисистемном”, “внутринациональном” конфликтах рассуждает С.Фролов [Фролов, 1997: с. 190].

Но, во-первых, исследователи, использующие эти понятия, практически не дают их определения, не раскрывают их сущности и содержания, не указывают их атрибутивные характеристики и иные специфические или отличительные признаки. Во-вторых, обычно не проводится различие между понятиями “внутреннего” и “внешнего конфликтов” и между самими этими феноменами. В-третьих, в психологии внутренний конфликт, как правило, понимается как внутриличностный, а понятия “внутренний конфликт” и “внутриличностный” используются как синонимы. Например, у Н.Гришиной читаем: “Категория внутриличностных конфликтов объединяет психологические конфликты, состоящие в столкновении различных личностных образований (мотивов, целей, интересов и т.д.), представленные в сознании индивида соответствующими переживаниями... Конфликты этого вида в психологической литературе обозначаются как внутриличностные, личностные, *внутренние* (курс. мой. — В.К.), интрасубъективные, интраперсональные, наконец, как просто психологические. Все указанные понятия используются как синонимичные” [Гришина, 2002: с. 79].

Указанные обстоятельства вносят в социологию конфликта, конфликтологию, психологию конфликта и другие научные направления, исследующие феномен конфликта, некоторую двусмысленность, противоречивость в его осознании и понимании, что не может не препятствовать развитию этих наук и их взаимодействию.

Наиболее существенным недостатком среди указанных выше является отсутствие четкого различия между внутренним конфликтом и внешним. Решение этой задачи может способствовать установлению сущности и специфических признаков этих конфликтов, формулировке их определения, то есть явиться определенной частью теоретико-методологических оснований таких научных направлений, как социология конфликта, конфликтология, политическая социология, социология войны, социология международных отношений и некоторых других.

Сама проблема разграничения внутреннего и внешнего конфликтов возникла в силу того, что для их обозначения используют, как представляется многим, самоочевидные термины “внешний” и “внутренний”, полагая, что эти термины сами в своем обозначении содержат собственное объяснение и тем самым раскрывают свою сущность. Эта самоописательность сложилась на базе психологии. Внутренний конфликт как внутриличностный действительно, как считают многие, достаточно понятен. Понятно и его отличие от конфликта внешнего как протекающего вне отдельной личности и связанного не только с ней, но и с другими людьми. С другой стороны, такое восприятие внутренних и внешних конфликтов как самоочевидных, возникло и на базе исследований межгосударственных отношений, как перенесение трактовки внутренней и внешней государственной политики на понимание соответствующих конфликтов. В рамках международного права суверенное независимое государство, обладающее четкими национальными границами, является основным субъектом на арене мировой политики, поэтому конфликт в самом государстве и конфликт вне его рамок, с другими такими субъектами также с очевидностью определяются как внутренний и внешний.

Различные варианты решения рассматриваемой проблемы предлагаются как в конфликтологии, так и в социологии конфликта, а также в иных направлениях научных исследований.

Так, А.Дмитриев пишет о разделении конфликтов на внутрисистемные и внесистемные. Первые вызваны внутрисистемными социальными противоречиями. В марксистской трактовке таковым является противоречие между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. В частности, Дмитриев пишет, что, с точки зрения системного подхода, “система постоянно испытывает на себе внутренние возмущения, являющиеся результатом ее внутренней противоречивости” [Основы конфликтологии, 1997: с. 86], которая возникает как следствие структурной сложности социальной системы, состоящей из ряда подсистем, компонентов и элементов, выполняющих различные функции, направленные на достижение не только главной системной цели, но и частных. Раскрывая смысл и содержание своей идеи, Дмитриев утверждает: “Компонент и система, часть и целое; прерывное и непрерывное, структура и функция; *внутреннее и внешнее* (курс. мой. — В.К.); организация и дезорганизация; разнообразие и однообразие — таков далеко не полный перечень противоречивых сторон и отношений, присущих системам и порождающих конфликты. Каждая из этих характеристик способна служить для выделения конфликтов определенного типа” [Основы конфликтологии, 1997: с. 86].

Однако предлагаемое Дмитриевым решение проблемы не является достаточным и, по существу, оставляет вопрос открытым, так как каждая социальная система может в ином социальном пространстве оказаться лишь подсистемой другой социальной системы, которая, в свою очередь, также является подсистемой следующей более широкой социальной системы и т.д. Самой завершенной социальной системой является все человечество, как некая единая целостность. Отсутствие четкого различия между подсистемой (элементом, компонентом социальной системы) и самой социальной системой обуславливает размытость в понимании различия между внутренним и внешним конфликтами, а также непонимание трансформации первого из них во второй.

Собственно, любая социальная система как целостность, обладающая качествами “внешнего” и “внутреннего”, представляет собой элемент другой социальной системы, внешней по отношению к первой. Поэтому важнейшим аспектом рассматриваемой проблемы становится вопрос о качестве, сущности, содержании социальной системы, о ее границах, устойчивости и изменчивости.

В.Кудрявцев предлагает несколько иное решение проблемы внутреннего и внешнего конфликтов. С его точки зрения, конфликт имеет ряд структурных элементов: субъекты конфликта, его предмет (проблема), процесс противоборства. Последний необходимо “анализировать как с внутренней, психологической (субъективной), так и с внешней, объективной стороны” [Основы конфликтологии, 1997: с. 110]. То есть, собственно, “внутреннее” и “внешнее” в действиях сторон конфликта присущи любому конфликту. Такой подход, не решая проблемы, намечает некоторые пути ее решения.

Важность и сложность проблемы становятся более ясными при рассмотрении подхода к ней К.Хорни. В своей книге “Наши внутренние конфликты” она, в частности, утверждает: “Раньше или позже наши интересы, наши убеждения сталкиваются с интересами и убеждениями тех, кто окружает нас. А поскольку такие столкновения между нами и нашим окружением

ем носят повседневный характер, постольку внутренние конфликты составляют неотъемлемую часть человеческой жизни” [Хорни, 1997: с. 16].

В этом высказывании Хорни присутствует термин “внутренний конфликт”, обозначающий здесь конфликт личности с теми, кто ее окружает, а в более широком и полном смысле — конфликт личности с социальными нормами (включая закон, мораль), культурой, государством и обществом в целом. Однако, если рассматривать личность как некую социальную систему, то данный конфликт по отношению к ней является внешним, хотя Хорни использует понятие “внутренний конфликт”. Вместе с тем можно сказать, что почти все внутриличностные конфликты являются конфликтами внешними относительно отдельной личности, так как представляют собой ее конфликт с обществом. Можно предположить, что Хорни осознает противоречивость такого отношения к внутренним и внутриличностным конфликтам и, чтобы различать внутриличностные конфликты как внешние от внутриличностных как сугубо внутренних, вводит понятия “нормального” и “невротического” конфликта.

Но и этот подход Хорни не решает проблемы. Она сама признает это и пишет, имея в виду невротический конфликт: “Конфликт может быть разрешен только работой с невротическими влечениями и таким изменением отношений невротика к *другим* (курс. мой. — В.К.) и к самому себе, чтобы он смог освободиться от этих влечений полностью” [Хорни, 1997: с. 25]. То есть из приведенных выше рассуждений можно сделать вывод, что внутриличностный конфликт является одновременно и внешним и, возможно, в основном внешним.

Вместе с тем у Хорни, когда она пишет об истории психоанализа и о своих исследованиях, присутствует и несколько иная логика. В частности, в книге “Невротическая личность”, исходя из идей Фрейда, она утверждает, что невроз (внутриличностный конфликт) порожден компульсивными влечениями, которые Фрейд считал “инстинктивными по своей природе, направленными на достижение удовлетворения и нетерпимыми к фрустрации” [Хорни, 1997: с.7]. То есть собственно внутриличностный конфликт, внутренний конфликт личности может быть вызван бессознательными инстинктами человека, их столкновением. Инстинкты, желания, стремления личности к их реализации не всегда могут быть удовлетворены одновременно, что и порождает конфликт внутри личности, вызывая у нее невроз. Такой конфликт может возникнуть и на основе одного инстинкта, если он одновременно проявляется в разных, конфликтных формах. Например, половой (сексуальный) инстинкт в формах традиционной и нетрадиционной ориентаций. Такой конфликт порождается, по Фрейду, внутренне вынужденным отказом. Так, “из двух находящихся в конфликте сексуальных стремлений одно всегда, так сказать, правильно с точки зрения Я, в то время как другое вызывает отпор Я. Следовательно, конфликт возникает между Я и сексуальностью” [Фрейд, 1989: с. 223], — пишет Фрейд. Существует и внешне вынужденный отказ, обоснованный внешними по отношению к личности моральными, культурными и иными предпосылками.

Итак, можно говорить: во-первых, о чисто внутреннем внутриличностном конфликте — конфликте, возникающем вследствие противоречия между инстинктами личности, внутри нее; во-вторых, о внутренне-внешнем конфликте между инстинктами и супер-эго человека, то есть внутреннем по

форме и внешнем по содержанию; в-третьих, о внешнем личностном конфликте, который, вероятно, тоже можно трактовать как внутриличностный, если это конфликт личности с усвоенными ею социальными нормами, требованиями культуры, государства и общества вообще.

Такой подход к внутриличностному конфликту не решает в целом рассматриваемой проблемы определения сущности, содержания и различия между внутренним и внешним конфликтами. Однако на этом основании можно сделать ряд выводов. Во-первых, внутренние конфликты могут трансформироваться во внешние. Во-вторых, “внутренность” некоторых конфликтов, признаваемых таковыми, весьма относительна и предполагает различные оговорки. Ведь следует еще раз отметить, внутриличностный конфликт — это конфликт личности с обществом. Лишь по форме его проявления он локализуется внутри личности, на уровне ее психики, сознательного и бессознательного.

Попытку решения анализируемой проблемы предпринял также и Л.Козер. В работе “Функции социального конфликта” (1956) он широко использует понятия “внутренний” и “внешний конфликт”, анализирует их функции и проводит различия между ними. Так, с его точки зрения, важнейшими функциями внешнего конфликта являются группосозидающая и группосохраняющая. Посредством внешнего конфликта происходит формирование социальной группы, устанавливаются ее границы, усиливаются ее внутренняя сплоченность и централизация. В ходе борьбы с другими социальными группами происходит самоидентификация личности и группы в целом. Внешний конфликт подчеркивает значимость принадлежности личности к данной группе. Он порождает необходимость совместных действий членов группы, повышает их моральный дух, создает для группы альтернативную ситуацию: либо объединение, совместные действия, сплоченность, либо дезинтеграция, распад группы и хаос.

Анализируя существовавшие ранее теории социального конфликта, в том числе концепцию Г.Зиммеля, Козер пишет: “Ранее предполагалось, что групповые границы создаются посредством внешнего конфликта; таким образом, группа самоидентифицируется в борьбе с другими группами. Зиммель идет дальше, утверждая, что внешний конфликт усиливает внутреннюю сплоченность группы и ее централизацию” [Козер, 2000а: с. 11]. А чуть далее читаем: “Внешние конфликты объединяют группу и повышают ее моральный дух... Внутренняя сплоченность имеет тенденцию к усилению в группе, участвующей во внешнем конфликте” [Козер, 2000а: с. 117].

Внешний конфликт в понимании Козера — это конфликт “внутренней группы” с “внешней”. Он, в частности, ссылаясь на У.Самнера, утверждает: “Пожалуй, социологи едины в том, что различие между “нами”, “нашей” группой, внутренней группой и другими, чужими, внешней группой возникает в конфликте и через конфликт” [Козер, 2000а: с. 54]. Внутренний конфликт порождается внутренними угрозами и направлен против внутреннего врага, например, ренегатов или еретиков, которые грозят разрушить границы удивившейся группы, усиливая этим группы внешние, и поэтому представляют собой не символическую, а фактическую опасность.

Однако понятия “внутренняя группа” и “внешняя группа” являются не вполне определенными. Не ясно, какая группа является внешней, а какая — внутренней. И, как следствие, неопределенными остаются и понятия “внеш-

него” и “внутреннего” конфликта. Козер пытается решить эту проблему, предлагая, по сути, два варианта решения.

Первый вариант — попытка установить различие между внешней и внутренней группой посредством проведения четких границ. Ссылаясь на Зиммеля и Парсонса, Козер утверждает, что под разграничением понимается отделение определенной совокупности индивидов от других подобных совокупностей на основании ряда признаков. Во-первых, во внутренней группе существует длительное взаимодействие между ее членами. Во-вторых, это взаимодействие основывается на относительно постоянных моделях поведения или действий членов группы. В-третьих, в группе существует определенная структура членства. В-четвертых, происходит самоидентификация члена группы с другими ее членами и с ней самой в целом.

Однако такой подход не решает проблемы. “Внешность” конфликта определяется здесь посредством границ “внешней” и “внутренней группы”, но эти границы сам конфликт и задает (группосозидающая функция конфликта). Более того, он и сохраняет их (группосохраняющая функция). Вместе с тем попытка различать “внешнюю” и “внутреннюю” группы на основе наличия в последней длительного взаимодействия и его моделей, а также структуры членства не позволяет предложить на данной базе конкретное определение внешних и внутренних групп и как следствие внешних и внутренних конфликтов. Любая социальная группа, особенно в настоящее время, обладает и теми и другими признаками одновременно, правда, в разных социальных пространствах и в разных масштабах, вплоть до человечества в целом.

Этот вариант решения проблемы имеет количественное измерение. Козер использует термины “длительность”, “постоянство”, “совокупность”, связанные с математической шкалой измерения. Он, вероятно, понимал, что такое решение относительно, так как не установлены величины количественных показателей. Да и могут ли они быть вообще? Поэтому Козер пишет не о “постоянстве моделей”, а об “относительном постоянстве”. Но он предлагает и иной вариант решения.

Второй вариант, который, можно сказать, лишь намечен Козером, вытекает из его высказывания: “Нижеследующие тезисы посвящены прежде всего функциям, которые выполняет внешний конфликт по отношению к *внутренней жизни группы* (курс. мой. — В.К.), но при этом затрагиваются и проблемы внутригрупповых конфликтов” [Козер, 2000а: с. 110]. Это высказывание Козера интересно тем, что он, по существу, пишет о взаимосвязи внешнего и внутреннего конфликтов и даже об относительности их различия.

Вместе с тем в этом высказывании можно найти довольно жесткий критерий различия конфликтов, если, интерпретируя словосочетание “внутренняя жизнь группы”, понимать под ней не столько материальное (экономическое и политическое) взаимодействие и его модели, сколько социокультурное; если понимать внутреннюю жизнь как духовную, как сферу мировоззрения, идеологии, культуры, ценностей, специфической логики мышления, его стереотипов, символов и исторических мифов. С этой точки зрения, внутренняя группа создается на основе устойчивого и наиболее значимого для личности (и группы) социокультурного признака идентификации. (В этом плане весьма актуальной становится теория С.Хантингтона о столкновении цивилизаций.)

Второй вариант решения проблемы, предложенный Козером, не противоречит первому, а дополняет его. Вместе с тем в некотором смысле можно говорить и о третьем варианте решения Козером исследуемой проблемы. Он относительно прост. Сам Козер при изложении его ссылается на Зиммеля, для которого внешний конфликт — это война, причем война между государствами. Иначе говоря, внешний конфликт — это конфликт международный или межгосударственный.

Обобщая предложенные Козером варианты решения проблемы, можно предложить ряд вариантов определений внешнего и внутреннего конфликта.

Наиболее краткое: внутренний конфликт — это конфликт социальных групп, члены которых осуществляют (имеют) тождественную, в первую очередь социокультурную и мировоззренческую, идентификацию по одному признаваемому ими наиболее значимым для них признаку, который обладает качеством постоянной устойчивости.

Внешний конфликт (от противного) — это конфликт социальных групп, члены которых имеют различную, противоположную и даже противоречивую, в первую очередь социокультурную и мировоззренческую, идентификацию по одному, признаваемому ими наиболее значимым для них признаку, обладающему качеством постоянной устойчивости.

Более широкое определение. Внутренний конфликт — это конфликт между социальными группами (государствами), которые имеют определенную, единую и целостную властно-иерархическую структуру и члены которых: а) поддерживают длительное, систематическое и устойчивое взаимодействие, характеризующееся постоянными стандартными моделями поведения, б) осуществляют совместную коллективную деятельность, в) обладают тождественной, в первую очередь социокультурной и мировоззренческой, идентификацией по одному или ряду признаваемых ими наиболее значимыми для них признаков, которые обладают качествами постоянной устойчивости.

Внешний конфликт (от противного) — это конфликт между не имеющими единой и целостной властно-иерархической структуры социальными группами, между членами которых отсутствует длительное, систематическое и устойчивое взаимодействие, совместная коллективная деятельность и члены которых имеют различную, и даже противоположную, в первую очередь социокультурную и мировоззренческую, идентификацию по одному или ряду признаваемых ими наиболее значимыми для них признаков, которые обладают качествами постоянной устойчивости.

На основе сконструированных и приведенных выше определений внешнего и внутреннего конфликтов можно сделать некоторые выводы: современный глобальный конфликт — это внутренний конфликт всего человечества. С другой стороны, происходит глобализация многих, особенно значимых, внутренних конфликтов.

Продуктивное решение рассматриваемой проблемы (сущности внешнего и внутреннего конфликтов и их различии) можно вывести и из ряда идей Ю.Хабермаса. Такое решение должно в значительной мере дополнить и углубить вышеизложенные идеи Козера. Однако Хабермас не ставил перед собой задачи специального исследования и решения данной проблемы, поэтому такое решение не будет полным и окончательным, но имеет допол-

нительный и уточняющий характер. Вместе с тем, с определенной точки зрения, его можно рассматривать и как вполне самостоятельное.

Хабермас исследует проблему, сущность которой он вынес в название своей работы в виде вопроса “Есть ли шансы для конституционализации международного права?”, или, в более широком плане, возможна ли конституционализация современных международных отношений? Иначе говоря, возможно ли правовое оформление современного мирового порядка в законе, имеющем такую же силу и значимость, как Конституции тех или иных государств, которые действуют в рамках своих государств? Но возможна ли Конституция для всего мира и всего человечества? В свое время подобный вопрос поднимал и пытался решить Кант. В частности, Хабермас отмечает: “Благодаря своему проекту “всемирного гражданского состояния” Кант сделал решающий шаг, позволивший выйти за границы международного права, ориентированного исключительно на государства” [Хабермас, 2008: с. 103], но это шаг теоретический.

Сущность поднятых выше вопросов можно сформулировать и следующим образом: какой социальный институт в настоящее время является наиболее адекватным средством для достижения общечеловеческих и глобальных целей, в частности, цели сохранения мира (на земле) и международной безопасности (для всех), а также цели утверждения демократии и прав человека во всем мире? Ответы на эти вопросы существуют разные и формулируются в форме предположений, так как распространяются на будущее.

С точки зрения Хабермаса, возможны два основных допущения. Первое скорее отрицательное: “... с помощью обоснованных в правовом отношении действий всемирной организации (ООН), *не обладающей, однако, реальной силой* и избирательной в своих решениях” [Хабермас, 2008: с. 105]. Второе имеет проблематичный и вариативный характер: “... с помощью односторонней политики наведения порядка, проводимой доброжелательным гегемоном” [Хабермас, 2008: с. 105], каковым после окончания периода биполярного мира, по мнению Хабермаса, стали США. Но именно в этой ситуации на повестку дня выходит другая проблема. “Проблематичным представляется сам проект нового либерального мирового порядка под эгидой Рах Амегисана, создаваемый стратегами правительства США. Вопрос в том, может ли *этизация* мировой политики, определяемая со стороны сверхдержавы, заменить *правовое оформление* международных отношений” [Хабермас, 2008: с. 104], — пишет Хабермас.

Это возможно, по мнению Хабермаса, только при условии, если США: а) откажутся обеспечивать “преимущество собственным этически фундированным национальным интересам” [Хабермас, 2008: с. 105]; б) вспомнят о своей всемирно-исторической миссии, “если они снова возьмут на себя историческую роль первопроходцев на пути эволюции международного права к “всемирному гражданскому состоянию”” [Хабермас, 2008: с. 105–106]. Но вероятны ли такие предпосылки? То есть и при таком варианте решения рассматриваемых Хабермасом проблем мы возвращаемся к изначальной постановке вопроса: какой социальный институт является адекватным для решения общечеловеческих и глобальных проблем, в частности таких (наряду с уже перечисленными), как международный терроризм, экологические дисбалансы, неравномерное экономическое развитие и т. п.

Хабермас считает, что здесь не обойтись без обращения к Канту и его критике международного права, которое принципиально отличается от права внутригосударственного. Государственная власть, защищая права своих граждан, опирается на право, действует в его рамках. Государство приобретает законную (правовую, юридически оформленную) власть тогда, когда “окончательно конституируется только в формах права, и права, которое указывает на власть государства применять санкции” [Хабермас, 2008: с. 109]. Происходит взаимное проникновение права и власти в государстве (стране, обществе).

Иначе говоря, в контексте проблемы различия внешних и внутренних конфликтов протекание конфликтов в рамках государства должно происходить в правовом поле. В противном случае государство имеет законное право — более того, обязано — применять санкции к субъектам конфликта, нарушающим закон. Такой конфликт и будет являться внутренним, он протекает в правовом поле, в рамках внутригосударственного права. Его участники должны и обязаны соблюдать внутригосударственное право. Они могут нарушать закон, но выйти из поля внутригосударственного права не могут, поскольку за нарушение закона государство (в соответствии с Конституцией) должно применять к ним предусмотренные законом санкции. При этом реальная и действенная сила государства основывается на мощи государственного аппарата (армия, полиция, прокуратура и т. д.) для применения этих санкций. Это касается, в соответствии с Конституцией и другими законами, и самого государства, его органов власти, представителей и должностных лиц. Если этого не происходит и само государство нарушает внутригосударственное право, то его ждет революция, а его главу — судьба Людовика XVI, Марии Антуанетты, Николая II.

Рассмотренное выше взаимопроникновение права и власти отсутствует на международном уровне. Хабермас пишет о вполне очевидном бессилии ООН, отсутствию у нее реальной силы вплоть до отстранения ее со стороны США (несмотря на протесты многих стран) от решения ряда международных проблем. С его точки зрения, именно “маргинализация ООН, обусловленная произволом сверхдержавы, принявшей решение о начале войны (второй войны в Ираке. — В.К.), драматически поставила во главу угла проблему значимости права” [Хабермас, 2008: с. 105].

В рамках обсуждаемой здесь проблемы существенно то, что конфликты, протекающие на международном уровне, могут происходить и часто происходят вне правового поля. Внутригосударственное право не действует на международном уровне, а международное — не имеет полномочий внутригосударственного и имеет много изъянов. Кроме того, на международном уровне отсутствует надлежащий субъект — политическая власть, подобная по своим полномочиям, а главное — по своей реальной силе, национальному государству, поскольку отсутствует, по Канту, “республика республик”, или “всемирная республика”, и вообще, отсутствует мировой космополитический порядок, “всемирное гражданское устройство”. Конфликт на международном уровне в таких условиях и будет внешним. Он протекает вне социального устройства, социальной системы, способной его ограничивать и регулировать, можно даже сказать, что он протекает в условиях беззакония и социального хаоса. По словам Хабермаса, идея “всемирной республики” возникла у Канта на основании представления о “супранациональном пра-

вовом порядке, который подчиняет себе государственную власть, по аналогии с тем, как гражданское или государственное право подчиняет себе отдельных людей” [Хабермас, 2008: с. 112–113].

В Средневековье внешние конфликты регулировались на основе обычаев и договоренностей между участвующими в них субъектами. Позже, в результате заключения Вестфальского мира возникла некая европейская система государств, просуществовавшая, с точки зрения Хабермаса, вплоть до 1914 года; в ее рамках и функционировало классическое международное право. Его субъектами признавались только суверенные государства, обладавшие той мерой реальной независимости, которая позволяет принимать решения, исходя из собственных интересов. Такие государства, согласно международному праву, должны были эффективно контролировать свою территорию и ее границы, поддерживать в их пределах внутригосударственное право и порядок. Вместе с тем эти государства должны были получить международное признание, которое “покупалось”, как считает Хабермас, “ценой признания войны в качестве механизма урегулирования конфликтов, т.е. ценой высвобождения военного насилия” [Хабермас, 2008: с. 108]; более того, ценой признания права суверенного государства вести войну и права “объявлять другим государствам войну без разъяснения причин (*ius ad bellum*)” [Хабермас, 2008: с. 108]. Эта ситуация, в соответствии с классическим международным правом, не предусматривала существования такой супранациональной инстанции, которая бы имела право и возможность (обладала реальной силой) наказывать за нарушения международного права. В таких условиях война в определенных формах приобретала легальность, а в целом — легитимность. Собственно, такое международное право представляло собой не что иное, как право на войну. Против такого права и выступил Кант. Недаром, как пишет Ю.Баскин (со ссылкой на И.Андрееву), в советской литературе высказывалось мнение, с которым следует согласиться и согласно которому Кант не признавал узкой трактовки международного права как права на ведение войны [Фельдман, Баскин, 1977: с. 17].

Действительно, идея Канта о новом мироустройстве, например, в форме “мировой республики”, была направлена против признания “права на войну”. Такая республика, пишет Хабермас, “делает войну как легитимное средство разрешения конфликта невозможной *именно в качестве* войны, потому что в пространстве общности, включающей весь мир, не может существовать “внешних” конфликтов. То, что когда-то представляло собой военное столкновение, в границах глобального правового порядка приобретает качество защиты от опасности и качество уголовного преследования” [Хабермас, 2008: с. 112]. То есть Хабермас считает конфликты “внешними”, если они: а) протекают на международном уровне (принимая во внимание изъятия международного права); б) протекают с возможными нарушениями правового поля или вне его; в) за нарушение права невозможно применить реальные санкции со стороны такого субъекта, как мировая республика. Таким образом, внешний конфликт — это конфликт, протекающий вне правового и силового поля супранационального субъекта, или вне институционального поля супранационального субъекта, обладающего реальной силой и правом применения силовых санкций.

Такое понимание внешнего конфликта отличается от приведенных выше, поскольку может быть отнесено в основном к конфликтам на междуна-

родном уровне. Но оно в тех или иных формах распространено в современной литературе и в большой мере обладает теоретической и практической эффективностью. Возможно ли его применение к конфликтам, протекающим в рамках суверенного государства или даже личности?

Здесь необходимо указать на еще одну идею Хабермаса. “*Превращение международных отношений в род государственных* означает, что право полностью пронизывает и трансформирует политическую власть также и в пространстве межгосударственных отношений. Исчезает различие между внутренним и внешним суверенитетом (власти); исчезает не только из-за глобальных масштабов, которые приобретает государство народов, но и в силу нормативных причин” [Хабермас, 2008: с. 113]. Отсюда вытекает, что исчезнет (в будущем) различие между внутренним и внешним суверенитетом, но также исчезнет (возможно, уже исчезает) различие между внутренним и внешним конфликтами, то есть произойдет глобализация внутренних конфликтов. Это происходит, во-первых, объективно, вследствие процессов глобализации, в силу глобальных масштабов власти, экономических, культурных и иного рода контактов. Если какие-либо субъекты не осознают этого и продолжают использовать войну (и насилие) в качестве средства разрешения конфликтов, то конфликт в форме войны начинает развиваться по эскалационной модели, что может обернуться событиями вроде терактов в США 11 сентября 2001 года или в российском Буденновске. Во-вторых, различие между внешним и внутренним конфликтами должно исчезнуть благодаря действиям самих акторов (субъективно), когда они осознают объективность процессов глобализации и не будут препятствовать институционализации протекания уже ставших внутренними, но еще воспринимаемых как внешние конфликты.

Оценивая идеи Канта и Хабермаса, следует отметить, что критерии различения внешних и внутренних конфликтов, используемые ими, с одной стороны, правовые, юридические, а с другой — политические.

Конфликт для социальной системы является *внутренним*, если она способна ограничить его развертывание какими-либо нормами, в том числе правовыми, предполагающими санкции и силовые механизмы их реализации. Нормы могут быть политическими, экономическими, идеологическими, религиозными и т. п. Ограничение конфликта проявляется в запрете тех или иных действий конфликтующих субъектов; тем самым конфликт переводится в плоскость легальности или, как минимум, легитимности. Он должен быть институционализирован системой, но сама институционализация обеспечивается, подкрепляется материальной силой.

Степень институционализации конфликтов может быть разной, что послужило для Козера основанием для их классификации, выделения среди всей их совокупности в качестве противоположностей абсолютного и полностью институционализированного конфликтов. В частности, в работе “Завершение конфликта” он писал: “Различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа согласие сторон сведено к минимуму, борьба прекращается

только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников” [Козер, 2000б: с. 187].

Вместе с тем конфликт может быть ограничен не только путем его институционализации системой на основании норм, но и в силу объективных условий протекания конфликта, независимых от самой системы и от непосредственных участников конфликта.

Конфликт для системы становится *внешним*, если она оказывается не в состоянии ограничивать его протекание. По Козеру, это — абсолютный конфликт. Система пытается накладывать ограничения на действия участников конфликта, но они, их игнорируя, нарушают нормы и выходят за пределы ограничений системы и за рамки самой системы. Система оказывается не способной применить санкции, когда они не подкреплены материальной силой. В этой ситуации система может разрушаться (самоубийство, революция и т. д.) или же ее внутренний конфликт, ставший для нее внешним, может быть ограничен, институционализирован иной социальной системой, более высокого порядка, в которую первая система входит как элемент или подсистема. Участники конфликта, выйдя за пределы первой системы и ее норм, не могут оказаться в вакууме, они оказываются в рамках иной системы. В этом случае внешний конфликт первой системы трансформируется во внутренний конфликт второй системы более высокого порядка, но это же означает, что он становится внутренним и для первой системы как элемента второй. Действия сторон конфликта институционализируются правовыми и иными нормами второй системы, которая оказывается способной подкрепить необходимость их реализации материальной и иной силой (например, силой авторитета).

Собственно, эти метаморфозы внутреннего/внешнего конфликта составляют проблему, которую в теоретической форме исследовали Хорни и Козер, предлагая свои варианты ее решения. Хорни, пытаясь решить ее в контексте внутриличностного конфликта, осуществляет классификацию и вводит в научный оборот понятия “нормального” и “невротического” конфликта. Козер, решая проблему, ищет устойчивые, самодостаточные, можно даже сказать, суверенные социальные системы, или социальные группы, но фактически не может их найти.

Вероятно, для решения проблемы необходимо использование понятия “предельной социальной системы”. Такой системы, внешний конфликт которой: а) не может быть ею самой институционализирован, так как применяемые ею нормы институционализации не подкреплены материальной силой; б) не может быть институционализирован и системой более высокого порядка, поскольку такой системы (“республики республик”, по Канту) пока не существует в мире. В этом смысле в данный конкретный момент времени рассматриваемая система и является предельной.

То есть для институционализации внешнего конфликта отсутствует право, типа внутригосударственного, которое бы определяло, формализовало и ограничивало действия участников конфликта жесткими правовыми санкциями и на основании права санкционировало применение силы против нарушителей. Проблема современного мира состоит в том, что такого права нет. Кроме того, для институционализации конфликта отсутствует супранациональный субъект, обладающий реальной материальной силой и способный обеспечить выполнение этих санкций на правовой основе. И в целом, отсут-

ствуется миропорядок, в условиях которого могли бы возникнуть и существовать указанные выше глобальное право и супранациональный субъект.

Такую ситуацию в мире фиксирует сначала Кант, а затем, ссылаясь на него, в современных условиях Хабермас, который и поднимает, вероятно, наиболее актуальный и значимый вопрос современности о возможности конституционализации современного международного права и, по существу, о возможности конституционализации современных международных отношений.

Из изложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, в современных условиях предельной социальной системой является независимое суверенное государство; именно его на данный момент признают основным субъектом международных отношений, а значит и международных конфликтов. Поэтому внешние конфликты устойчиво в научной и политической литературе воспринимаются, в первую очередь, как международные. Во-вторых, современный, характерный для эпохи глобализации внешний конфликт не может быть ограничен объективными условиями своего протекания. В такой ситуации возникают предпосылки для превращения внешнего конфликта в абсолютный (по Козеру), который создает угрозу существованию всего человечества. Осознавая этот факт, стороны современных внешних конфликтов нередко самостоятельно стремятся ограничить их протекание. То есть современные внешние конфликты ограничиваются не столько объективными факторами (в том числе и природными), не социальной системой более высокого порядка посредством их институционализации (включая нормы права) и не силовыми действиями супранационального субъекта, а усилиями самих непосредственных участников конфликта, исходящими из норм своей социальной системы. Следует подчеркнуть, что участники конфликта действуют исходя из норм присущих им культуры, морали, мировоззрения и т.п., но эти нормы у них разные, если не противоположные и даже противоречащие друг другу. Козер не указал на то, что конфликт внешний, если и только если отсутствует супранациональный субъект или предельная социальная система.

В заключение следует отметить, что предлагаемая автором концепция определения внешнего и внутреннего конфликтов, выявления их сущности и содержания, их различия и метаморфоз является теоретико-методологической основой таких научных направлений, как социология конфликта, политическая социология, социология войны, конфликтология, и некоторых других. Во-первых, она является основой для создания и упорядочения системы классификации различных социальных конфликтов. Во-вторых, на ее основе возможно выявление сущности и понятийное определение таких феноменов, как мировой, глобальный, международный, межгосударственный конфликт, мировая война, мировая революция, и ряда других, приводящих к возникновению нового мирового порядка, а также описание структуры этих феноменов, их причин, форм, субъектов, механизмов протекания, возможных последствий и т.д. Так, понимание отличий внешнего и внутреннего конфликтов дает основание отличать на международном уровне войну от миротворческой полицейской операции. В-третьих, указанные положения дают возможность выделять, различать и определять такие феномены, как международный ограниченный конфликт, региональный и локальный конфликт (локальная война), пограничный конфликт (погранич-

ный инцидент) и т.д., описывать поведение их участников в плане необходимости осознания ими неизбежности ограничения ими самими (при отсутствии супранационального субъекта и права) своих конфликтных действий. В-четвертых, исследование данных проблем способствует расширению в целом предметного поля социологии (в соответствии с идеями Альберто Мартинелли), включая в него не только общества в их национальных границах, но и весь социальный мир как таковой, мировое общество, мировую социальную систему.

Литература

- Гришина Н.В.* Психология конфликта / Гришина Н.В. — СПб. : Питер, 2002. — 464 с. — (Серия “Мастера психологии”).
- Зеленов Л.А.* Высшая школа в конфликтной ситуации / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры, мира и согласия : II Междунар. конгресс конфликтологов : тезисы докл. и выступ., 30 сент. — 2 окт. 2004 г., Москва–Санкт-Петербург. — СПб. : Наука, 2004. — Т. 2. — С. 40–42.
- Козер Л.* Функции социального конфликта / Козер Л. ; [пер. с англ. О. Назаровой]. — М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000а. — 208 с.
- Козер Л.* Завершение конфликта / Козер Л. // Функции социального конфликта ; [пер. с англ. О. Назаровой]. — М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000б. — С. 187–197.
- Основы конфликтологии / под ред. акад. РАН В.Н. Кудрявцева. — М. : Юристь, 1997. — 200 с.
- Соколов С.В.* Конфликт между геополитическими и геосоциальными силами постсоветской России / С.В. Соколов // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры, мира и согласия : II Междунар. конгресс конфликтологов : тезисы докл. и выступ., 30 сент.–2 окт. 2004 г., Москва–Санкт-Петербург. — СПб. : Наука, 2004. — Т. 1. — С. 82–84.
- Фельдман Д.И.* Учение Канта и Гегеля о международном праве и современность / Д.И. Фельдман, Ю.Я. Баскин. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. — 128 с.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ : лекции / Зигмунд Фрейд; [пер. с нем. Г.В. Барышниковой]. — М. : Наука, 1989. — 456 с. — (Серия “Классики науки”).
- Фролов С.Ф.* Социология: сотрудничество и конфликты / Фролов С.Ф. — М. : Юристь, 1997. — 240 с.
- Хабермас Ю.* Расколотый Запад / Хабермас Ю. ; [пер. с нем. И.О. Величко, Е.Л. Петренко]. — М. : Весь Мир, 2008. — 192 с.
- Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза / Хорни К. — СПб. : Лань, 1997. — 240 с.